

Исаакян С. И.

бра Ири... полованного ею в дорожной канаве в рыхлом... обмыт и высушен в нагретом...
Откуда это? Вернее всего, здесь...
Носику при... около двух...
ма. вошел

ДИАМЕТР—ВСЕГДА ТРИНАДЦАТЬ МЕТРОВ

ЗАМЕТКИ
О ЦИРКЕ

будет обслужено уже
свыше тридцати пяти
миллионов зрителей!

Надо, однако, отдавать
себе отчет, что строитель-
ство порождает далеко
не одни лишь строитель-
ные заботы. В самом де-
ле, мало построить новую
цирковую площадку —
необходимо и обеспечить

ее полнокровной, высокохудожест-
венной программой. Чем больше за-
бот строительных, тем неотложнее
и заботы творческие!

В пределах краткого очерка нет
возможности рассказать о всех тех
номерах и аттракционах, которыми
по праву может гордиться цирковое
наше искусство. И все же мне хо-
чется упомянуть хотя бы некоторые.
В этом отношении моя поездка бы-
ла счастливой.

В Воронеже я застал армянский
цирковой коллектив: его программой
возглавляет эффектный и красоч-
ный аттракцион—Степан Исаакян с
группой экзотических животных. Бе-
гемоты, удавы, крокодилы—вот кем
умело управляет Исаакян. Можно
только порадоваться, что расши-
ряется круг животных и зверей, де-
монстрируемых на манеже нашего
цирка. Но не только этим Примеча-
телен выход Исаакяна. В его сцени-
ческой манере что-то от националь-
ного эпоса: отважный богатырь, ко-
торому подвластно все... Это же,
примерно, ощутил я, глядя номер
воздушной гимнастики Елены Аване-
совой: живой орел, вращаясь с ней
вместе под куполом, огромным раз-
махом своих трепещущих крыльев
словно подчеркивает бесстрашное
овладение высотой.

В каждом городе, в каждом цирке
видел я интересные номера. Ви-
дел виртуозное балансирование пер-
шей в труппе Французовых, пре-
дельно темповое жонглирование

Б УДЬ НА ТО моя воля — этот
дом на одной из центральных
московских улиц, дом за но-
мером пятнадцать по Неглинной, я
покрасил бы в самые яркие тона. И
пустил бы по веселой краске фигу-
ры акробатов, жонглеров, воздуш-
ных гимнастов, дрессировщиков,
укротителей. А по вечерам освещал
бы дом то голубыми прожекторами,
то оранжевыми, то пунцовыми...
Разумеется, это лишь фантазия. Но,
честное слово, мне хотелось бы это-
го. В доме номер пятнадцать по Не-
глинной помещается Союзгосцирк—
организация, ведающая цирками
СССР. Именно здесь предпосылки
той радости, которую дано испытать
огромным массам советских зрите-
лей. Достаточно сказать, что в ны-
нешнем году число зрителей, посе-
тивших цирк, превысит тридцать
миллионов!

Тридцать миллионов зрителей,
полсотни стационарных — летних
и зимних — цирков, четырнадцать
передвижных, столько же зооцирков
да еще отдельные аттракционы,
межобластные группы цирка на сце-
не. Таков один ряд цифр. Имеется и
другой: артистические кадры, со-
ставляющие как «конвейер» стацио-
нарных цирков, так и коллективы,
обслуживающие цирки передвиж-
ные. Приплюсуем сюда молодые
кадры, которые ежегодно выпускает
из своих стен Училище циркового
искусства... Второй столбец не усту-
пает первому: в нем множество ар-
тистов, сотни номеров и аттракцио-
нов, представляющих самые разно-
образные жанры.

И вот этим-то всем—формирова-
нием, эксплуатацией, технической
оснасткой, репертуаром, подготов-
кой новых номеров — этим всем ве-

дает Союзгосцирк. Потому и хо-
чется выделить дом на Неглинной.
Снаружи он ничем не примечателен,
но в нем рождаются большие творче-
ские дела!

...Нынешним летом мне довелось
познакомиться с рядом цирков.
Маршрут моей поездки пролегал
через Воронеж—Киев—Запорожье—
Днепропетровск—Кривой Рог...

Кстати сказать, когда я собирался
из Ленинграда в путь-дорогу, кое-
кто увещевал меня:

— Ну, к чему вам ехать? Цирк
везде одинаков. Везде манеж имеет
тринадцать метров в диаметре, а
программа переходит по конвейеру.
Не мудрите. Незачем вам ехать!

И все же я отправился в путь...

...Да, чуть не забыл. Среди фигур,
которыми хотелось бы мне распи-
сать здание на Неглинной, обяза-
тельно должны быть изображены и
зрители: прикованные к манежу,
замершие в изумлении, громко
смеющиеся, аплодирующие... Какой
же цирк без зрителей!

Существует банальная традиция—
начиная рассказ о цирке, сообщить,
что, мол, утром он выглядит по-дру-
гому, чем вечером. Верно. По-дру-
гому. В репетиционную утреннюю
пору все скромнее, строже, буднич-
нее. Но что из этого следует? Ров-
ным счетом ничего. Каким бы вели-
ким упорством ни отличались ре-
петиции, какая бы ни была в них
вложена настойчивость, — это еще
не цирк, лишь разбег к нему.

Цирк начинается тогда, когда его
амфитеатр плотно и шумно запол-
нен зрителями. Когда они—нетер-
пеливо ждущие, жадно предвку-
шающие—замирают при первых
бравурных звуках оркестра. И вот
уже прожектора скрестились на па-
радном ковре, двумя шеренгами вы-
шла униформа, торжественно вы-
ступил вперед инспектор манежа,
чтобы объявить первый номер... И
вот уже залит манеж ярчайшим све-
том. Вышли артисты, и с первого
же мгновения ощущают они зрите-
ля как верного своего помощника.
Своим напряженным вниманием,
своими откликами, аплодисмента-
ми—всем своим поведением зри-
тель поддерживает артиста, сооб-
щает ему ритм и темп, тот нерв, тот
«кураж», без которого немислима
настоящая цирковая работа. Какой
же цирк без зрителей!

Вспоминаю Воронеж. Июньское
кромешное пекло. Под брезентовым
куполом воздух кажется почти что
расплавленным. Воздушная гимнаст-
ка, отработав номер, выбегает за
кулисы:

— Ужас! Аппаратура до того на-
грелась, чуть ладони не пожгла!

Но номер свой она исполнила без
малейших купюр. Так же точно по-
ступили и все ее товарищи. Я спро-
сил у них: разве нельзя облегчить
свое выступление, отказаться от са-
мых трудных трюков. На меня по-
смотрели и удивленно, и осуждаю-
ще. Можно ли такого зрителя хоть
в чем-нибудь ущемить?

И верно, 1,5 тысячи зрителей с
таким упоением смотрели програм-
му, что, казалось, не то, что жара—
ураган, циклон—и он не смог бы
отвлечь. Ни один не шелохнулся до
конца представления.

Одна из отличительных черт на-
ших периферийных цирков—они об-
служивают не только население го-
родов, в которых находятся. Далеко
по области—крутой волной—рас-
пространяется интерес к цирковому
искусству, к его отваге и силе, лов-
кости и необычности.

Не раз приходилось мне наблю-
дать, как к цирку одна за другой
подходили машины с празднично
разодетыми колхозниками. Приез-
жали не только из близлежащих
районов, но и смежных областей.
Три часа в цирке, шесть—восемь ча-
сов в пути, но это никого не сму-
щало! Видел я, как председатели
колхозов—дюжие, бравые, у иного
вся грудь в орденах—просительно
входили в кабинет директора цирка:
«Хоть трошки дайте билетиков.
Бригадиры со мной, опять же дояр-
ки знатные!» Как же тут отказать?!

...Сильно пострадало цирковое хо-
зяйство за военные годы: одни зда-
ния сгорели, другие разрушились
или пришли в ветхость. Сейчас все
более широким фронтом идет
строительство. Новые здания воз-
двигаются в Симферополе и Бату-
ми, в Ярославле и Архангельске...
Некоторые цирки — например, Ле-
нинградский — капитальным обра-
зом реконструируются... По перспек-
тивному плану в 1965 году цирками

«Лит. газетная переписка» 7. IX. 60.

Исаакен С. И.

Заключительный концерт декады

Здесь работают на общественных началах высококвалифицированные специалисты — профессора вузов, искусствоведы, деятели искусства, художники.

Но в городе существуют еще районные университеты культуры. Некоторые факты из практики говорят о том, что они работают без четкого плана, самотеком.

В отделении Союза писателей является представителем Сталинского или Ленинского районного университета культуры и обращается с такой просьбой:

— Дайте нам писателя на ближайшее воскресенье.

— Что должен делать писатель? Прочитать лекцию о советской литературе, о творчестве какого-нибудь литератора?

— Это уж пусть сам писатель решит, чем он займет слушателей. У нас в расписании значится: «Встреча с писателем».

— Но ведь писатель должен подготовиться к выступлению, ему надо знать, что от него ждут.

— Чего-нибудь. Стишки почитает, рассказы...

После такого диалога «подбирается» писатель и направляется в университет культуры. К серьезному разговору он не готов, потому что не знает, о чем говорить. И начинает читать рассказ, отрывок из романа, стихи. Потом ему задают обычные в таких случаях вопросы: «Над чем работаете? Как собираете материал? Когда Шолохов закончит «Они сражались за Родину»? Что пишет Федин?»

После такого разговора мало что остается в уме и душе слушателя, а писатель уходит с досадой и неудовлетворенностью.

Как-то я получил через отделение Союза писателей приглашение выступить перед слушателями университета культуры в городе Ртищеве.

— С чем выступать? — спросил я. Из Ртищева ответили:

— Вы вот выступали в Саратове

смотр художественной самодеятельности, и большинство собралось на концерт.

Кстати, этим грешат не только университеты культуры. Мне приходилось выступать в общежитии

шли бы к той же цели, что и в народных университетах, — к удовлетворению духовных потребностей.

Григорий БОРОВИКОВ
САРАТОВ

СОЮЗ художников РСФСР и его Московское отделение сделало полезное, важное дело, организовав выставку сатирических рисунков московских художников, посвященную борьбе за мир.

В самом деле, наши сатирики (огромное им спасибо!) самоотверженно и последовательно, с партийной страстью публицистов ежедневно без устали сражаются за интересы народов, отстаивая дело мира. Каждый из нас, раскрывая вечером страницы «Известий», надеется — и не обманывается, — найдя там новый рисунок старейшего мастера-сатирика Бориса Ефимова, в «Правде» — карикатуры Кукрыниксов, В. Фомичева или Н. Лисогорского, в «Советской России» — Ю. Кершина, в «Красной звезде» — Д. Циновского. Как и многие их коллеги, они сотрудничают также в «Крокодиле», «Огоньке», «За рубежом» в «Литературной газете». Вероятно, такой творческой нагрузке и, главное, «отдаче» в глубине души по-хорошему завидуют многие наши писатели, историки и публицисты.

Собранные воедино, рисунки мастеров политической сатиры не только радуют талантом, художественным своеобразием, но и помогают открывать новые, ранее незамеченные грани дарований каждого из авторов.

На этой выставке неожиданно убеждаешься, что не только одному Борису Ефимову присущ «добрый дар» в избранном жанре, что не только он умеет переключаться с карикатур, направленных против поджигателей войны, на рисунки, выражающие горячие симпатии, на которые художник-сатирик не имеет, казалось бы, права по самому своему жанру. Нет, оказывается, имеет! Чтобы убедиться в справедливости этого, достаточно взглянуть на рисунок Бориса Ефимовича Ефимова «По-шахтерски». Никита Сергеев

вич Хрущев весело, энергично разбивает отбойным шахтерским молотком жупел «колдунской войны». Доброе перо художника нарисовало облик дорогого человека, крупнейшего борца за мир.

Раздумывая о природе таланта Б. Ефимова, приходишь к выводу, что в нем всегда соседствуют начала сатирическое и лирическое. И в этом отношении его талант чем-то роднится с веселым бидstrupовским талантом и с дарованием замечательного детского рисовальщика Ивана Максимовича Семенова.

Добрым чувством согрет и рисунок Бориса Лео «Я русский выучил только за то, что им разговаривал Ленин». Улыбающийся, счастливый Поль Робсон дает интервью журналистам. Ведь и Робсон — испытаннейший друг мира. Virtuозное перо сатирика может одушевить даже и Эйфелева башня. Это блестяще доказал своим рисунком «Париж. Весна» Евгений Шеллов.

Зато каким беспощадным становится художник, его видение темы, когда он разоблачает врагов мира, звериный оскал американского империализма, черные замыслы боннских реваншистов. В этом случае весь его художественный арсенал — и сюжет, и манера рисунка, и философия (а она обязательна для сатирика) — подчинен одной цели, точному попаданию в заданную мишень.

И в самом деле. Поглядите, как часто в последнее время на страницах газет замелькали физиономии Эйзенхауэра и Аденгауэра, Киси и Франко. Это не случайно. В сознании народов они олицетворяют

все недоброе, в его номерах, и манежем овладевал коверный клоун, приятно было наблюдать успешные дебюты молодых, их сменили танцовщицы в белой пене страусовых перьев. Все имело в этом пышном, обильном представлении: сольные номера и массовые, группы хищников, большая конюшня. Одного только не было — постановочной мысли, художественной композиции. Вскоре программа обернулась непомерным и утомительным нагромождением номеров, стала рассыпаться в памяти, как зыбкий картонный домик.

Именно здесь, как мне кажется, заложено принципиальное отличие нашего цирка от зарубежного, западного. Для нашего цирка понятие представления как единого художественного целого становится все более органичным, обязательным. И отдельному номеру, и программе в целом у нас уделяется одинаковое внимание. Представление решается как своего рода спектакль, а не случайное, механическое слагание отдельных номеров.

В пору бурного и буйного роста вступил наш цирк. Приметы этого видны во всем — в неустанно повышающейся заинтересованности самых широких масс советского зрителя, в прочном международном признании, в одаренности молодых исполнительских кадров (примечательно

многие номера и аттракционы, которыми по праву может гордиться наше цирковое искусство. Что это действительно так — убедительно подтверждается многочисленными зарубежными гастролями. С каждым годом все большее число стран извывает желание видеть у себя в гостях артистов советского цирка.

Значит ли это, что там, за границей, нет первоклассных номеров? Разумеется, это не так. Такие номера имеются. И все же...

Недавно закончились гастроли нашего цирка в Чехословакии. Одновременно там гастролировал и один из крупнейших западных цирков. Его директор и раз, и два пришел на представление нашего цирка. Смотрел и молчал. Долго молчал. Затем объяснил:

— Я соображаю, сколько лет после вас нельзя будет моему цирку приезжать в Прагу!

братьев Хромовых, морских львов Ирины Сидоркиной, конкурирующих в огромном аквариуме-бассейне с девушками-купальщицами, конное па-де-де Лапиано, исполненное такой же тончайшей пластики, как и музыка Чайковского, сопровождающая номер. И тут же выход — точнее, выбег — жокеев Соболевских: огневой, стремительный, чуть ли не до головокружения. И опять головокружение: на этот раз от безукоризненной работы канатоходцев — будь то труппа Гаджикурбанова в Запорожье или труппа Али-Хана в Кривом Роге...

Лестное признание. Попробуем разобраться, чем оно вызвано. В этом году в наших цирках выступал итальянский номер: дрессированные шимпанзе Амлетто Чиплини. Руководитель номера показал себя не только искусным дрессировщиком, но и страстным кинолюбителем. В свободные минуты он демонстрировал за кулисами фильм, заснятый им в Нью-Йорке: представление трехманежного цирка.

Поначалу фильм впечатлял. Один за другим на экране проходили номера: некоторые в техническом отношении весьма сильные. В паузах прыгала и кувыркалась целая толпа клоунов. Торжественным было шествие богато разукрашенных слонов, их сменили танцовщицы в белой пене страусовых перьев. Все имело в этом пышном, обильном представлении: сольные номера и массовые, группы хищников, большая конюшня. Одного только не было — постановочной мысли, художественной композиции. Вскоре программа обернулась непомерным и утомительным нагромождением номеров, стала рассыпаться в памяти, как зыбкий картонный домик.

Именно здесь, как мне кажется, заложено принципиальное отличие нашего цирка от зарубежного, западного. Для нашего цирка понятие представления как единого художественного целого становится все более органичным, обязательным. И отдельному номеру, и программе в целом у нас уделяется одинаковое внимание. Представление решается как своего рода спектакль, а не случайное, механическое слагание отдельных номеров.

В пору бурного и буйного роста вступил наш цирк. Приметы этого видны во всем — в неустанно повышающейся заинтересованности самых широких масс советского зрителя, в прочном международном признании, в одаренности молодых исполнительских кадров (примечательно

тальная черта: кадры эти все чаще пополняются из рядов спортсменов, рабочей художественной самодеятельности).

Итак, рост, расцвет. Можно ли, однако, успокоиться на признании этого отрадного факта?

Невидимая зрителю, в нашем цирке идет непрерывная и упорная работа; право, не менее упорная, чем та, которой отличаются репетиции. Эта работа — воспитание чувства коллективности, коллективного духа, умения жить интересами коллектива в целом и умения подчинять ему личные, частные свои интересы.

Издавна цирковой артист был одиночкой. Кочуя от одного предпринимателя к другому, целиком завися от жестоких законов купли-продажи, он привык жить узкими пределами своего номера, и только. Сейчас, в условиях государственного цирка, единого идейно-художественного руководства, все совершенно иначе. Меняется даже терминология. Об артисте, все помыслы которого подчинены одному — любой ценой извлечь, выторговать максимальную выгоду, где не без почтения говорили: «Хозяин, крепкий хозяин!». А теперь все чаще: «Хозяйчик, кулачок!» Это закономерно. Изменение производственно-экономической базы коренным образом меняет и критерий в оценке моральных свойств артиста. Нет, сегодняшний день советского цирка принадлежит не кулачкам, не эгоистам, не хапугам. Принадлежит коллективу, коллективной ответственности за общее дело!

Надо ли подчеркивать, как велика эта ответственность. И надо ли закрывать глаза на то, что отстало, что порой еще препятствует движению вперед.

Есть еще такое отстало. Присматриваясь к деятельности Союзгосцирка, отдавая должное большому ее масштабу, нельзя не заметить и некоторые пробелы.

Огромно хозяйство Союзгосцирка, но, как ни странно, в нем отсутствует собственная производственно-техническая база. Каждый раз, когда встает вопрос о новом номере, когда необходимо произвести для него расчеты, а затем изготовить аппаратуру, приходится преодолевать немалые трудности: подыскать инженера-консультанта, добыть необходимые материалы, разместить заказ. Подобная кустарщина не только распыляет силы, но и удлиняет подготовительный период, значительно удорожает стоимость оформления номера.

Наш цирк богат мастерами, которые в течение десятилетий демонстрировали отточенное свое искусство. Чем же заняты они сейчас? Некоторые преподают в училище или же консультируют новые номера. И то, и другое, к сожалению, носит лишь эпизодический характер. Думаю, прав директор Днепротетровского цирка Ф. Яшинов, считающий, что назрела необходимость создать в системе Союзгосцирка своего рода «академию» старейших, собирать и умножать в ней драгоценный их опыт.

Не только собирать, но и претворять в жизнь, в практику, в производство. Заслуга Союзгосцирка — проведение широких совещаний, посвященных тому или иному жанру. Такой была конференция о клоунаде. Впереди — большой разговор о конном цирке. Постановка этих настоящих вопросов весьма важна. Но ведь нельзя же ограничиваться одной лишь постановкой вопроса! Вслед за тем должна обязательно последовать и творческая его реализация. Должна, но, сказать по правде, еще не всегда ошугима. Думаю, художественный отдел Союзгосцирка пока что с излишней робостью, а подчас и мелкомерно решает вопросы творческой новизны, живет без должной перспективности.

Откуда это? Вернее всего, здесь сказываются неравномерности стремительного роста: одно обгоняет другое, еще не во всем достигнута должная синхронность.

И все же пробелы эти не могут заслонить главнейшего, решающего: сегодняшний советский цирк живет интенсивной, полнокровной жизнью. Доказательства этому я наблюдал и в таких крупных цирках, как Воронежский, Киевский, Днепротетровский, и под скромным брезентовым шатром передвижного цирка, раскинувшегося на окраине Кривого Рога. Везде!

— Везде? — переспросит меня тот собеседник, что всячески отговаривал от поездки. — Выходит, я был прав?

— Вы были правы лишь в одном, — отвечаю я. — В том, что диаметр манежа, действительно, тринадцать метров. Однако не только этим, далеко не только этим измеряется манеж.

— Но чем же еще? — перебьет упорствующий собеседник.

И тогда я дам прочесть ему этот очерк. Он не мог бы быть написан, если бы путь мой не пролегал через многие цирки, если бы многие и многие номера не отпечатались в моей памяти всем ярким своим своеобразием.

За каждым из этих номеров — артисты цирка, беспредельно преданные своему искусству, неустанно совершенствующие его, полные новых замыслов, упорно осваивающие то, что еще вчера казалось недостижимым.

За каждым из этих номеров — тысячи и тысячи зрителей — судьи строгие и отзывчивые, вдохновенные и вдохновляющие.

Этими людьми — ими и только ими, а не метражом — измеряется настоящая величина манежа!

А. БАРТЭН